

Мария Шибалова

«Надо чаще уходить в леса...»

(Тема леса в поэтическом сборнике И. Киселева «Под солнцем и ненастьем»)

// Огни Кузбасса. – 2003. – № 3/4. – С. 154-158.

В 2003 году Игорю Михайловичу Киселеву исполнилось бы 70 лет... Как хочется, чтобы его поэзия, так необходимая нам, сегодняшним, была по-настоящему востребована; чтобы «трепещущее слово» Поэта, «сиянью звездному сродни», дождалось встречи, «обещанной и давней», постучалось к нам в души; чтобы люди, близко его знавшие, успели рассказать о Певце, что он

Лукавую дудочку выстрогал
И песню по свету пустил..;

чтобы прекрасные мгновенья, остановленные им в удивительных стихах, утратив «привкус горечи», навсегда остались «во власти вечного волненья»; чтобы человек пришел к человеку: - Дай-ка я с тобой поговорю!..

«Среди иных чудес...»

А все же есть на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес, -

как бы выдохнул Поэт в одном из наиболее близких мне стихотворений «А все же есть на свете...». И замолчал... И вошла в комнату так любимая им Тишь-тишина:

Ни звука кругом, ни движенья,
Все смолкло вблизи и вдали...

И околдовала меня, заставив задуматься, почему же «обыкновенный лес» - это чудо. Что в нем необычного? Какими стежками-дорожками можно добраться туда? Перелистываю страницу за страницей поэтического сборника Игоря Киселева «Под солнцем и ненастьем» (как будто бы это мне тихо говорит Поэт: «Переверни страницу, переверни страницу...») и сквозь плач природы, пенье березы и звезды слышу проникновенный голос лирика: «Пустите, люди! Отворите души! Вы слышите? - Я в души к вам стучусь!..» В его лес можно попасть, лишь отворив душу. А там уж как придется: дорогой, что «пролегла под солнцем и ненастьем», крутой тропкой, «ослепшей» тропинкой, заросшей тропой, «древней и тайной»... Это «призрачный лес», из которого не хочется уходить:

Господи, что это был за лес!

Манит к себе «наполненная светом» березка, с «чуткой кожей», беззащитная, «неизреченная», уронившая «нам в ноги... свою первую желтую брошь», а еще две, в черном сосняке, «такие хорошенькие», величаво кивают

мне «золотыми кокошниками русских королев», чаруют ели со стекающим «с ресниц» зноем; зовет «сосна корявая, вся в бронзовой синеве»; изумляют «задохнувшиеся черемухи»... Да и сама я уже задохнулась от этого великолепия первозданного, и хочется крикнуть вместе с Поэтом:

Был бы лес певучий, как легенда,
И не надо радости иной!

И этот лес, такой реальный и такой «обыкновенный», рождает необыкновенное вдохновение не только у самого Поэта, но и у всех «умеющих удивляться», больных лесом, оглушенных им.

«И прикоснувшись музыкой...»

«Лес оглушил» своим оркестром, без которого он не будет восприниматься миром гармонии. Музыка леса... Музыка вообще способна раскрыть самые глубокие, самые тонкие оттенки чувств, мыслей, настроения. Она может потрясти, растревожить, успокоить, заставить радоваться и переживать. Это неиссякаемый источник мудрости, красоты и познания. Лес в стихах Игоря Киселева звучит то «тихим голосом клавесина» - «далеким скрипом сосны», то «нежной жалобой рожка» - «жалобой кукушки». Давайте вслушаемся в гармоничные отзвуки его радостей и скорбей:

Как слышится в лесу!
Заполнив чашу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.
Далекий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны...

Пчела, «в траве запутавшись», гудит, поет береза, шуршат листья, рыдают журавли, звенит листопад, «соловей из чащобы» свистит, «плещут крыльями гуси», струится вода из родника - прозрачная и ясная музыка леса захватывает настолько, что, забыв обо всем, оказываюсь за инструментом:

Как пишется в лесу! –
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

И пробуждается... музыка во мне.

Александр Казаркин в этюде об Игоре Киселеве «Магия слова» отмечает, что «форма почти каждого стихотворения о природе - тихая Песня». Его песня «В лесу» дарует прозрение; «чудо природы выше всех чудес. В ней поэт ищет спасенья. Но не бегство это, а поиск гармонии и веры». Аллитерация (здесь: повторение согласного звука [л]) усиливает

выразительность поэтической речи:

Как дышится в лесу!
Как льдинки горлом льются,
Как будто пьешь росу
Из блещущего блюдца.
Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли.
И даль в слезах,
И даль
Сквозь слезы, как в бинокле...

Благодаря этому «плавному» [л], каждое слово «В лесу» стремится слиться с музыкой. Она окрыляет речь, делая более взволнованной. В одной небольшой строфе стихотворения трижды пролились слезы - вся «даль в слезах», но не слезы горечи и разочарования, а слезы боли по утраченному, вернее, тому, что может быть утрачено, если не вдохнуть полной грудью в лесу, не услышать, не написать, не поверить. В более позднем стихотворении Игоря Киселева «Мы закрутились в долгой карусели...» не пролилось ни одной слезинки, но это по-настоящему песня - стон души Поэта:

И, к зову леса становясь все глуше,
Мы редко слышим - странная напасть –
Как потихоньку стонут наши души,
Все суше и беззвучней становясь.

Я попробовала положить его на музыку, ведь «Мы...» - своеобразное продолжение стихотворения «В лесу». И не смогла. Мой инструмент молчал.

«Дышу тишиною...»

В стихах о лесе в сборнике «Под солнцем и ненастьем» тишина прозвучала, если я не ошибаюсь, четырнадцать раз. У Игоря Киселева она и «жаркая», и «глухая», и «голубая».

Его лес живет, чаще в конце лета, осенью и только предчувствует приближение зимы, может быть, поэтому, когда «дни сжимаются, ночи удлиняются», тишина вдруг приобретает и цвет.

«Голубую тишь» обрушивает на лес снег - голубой цвет - цвет Неба и мышления. Бесконечна сибирская зима - о многом можно подумать в наступившей тишине, «замыкаясь в себе и в себя». Для леса погружение в себя - норма:

А лес - он дождем занавешен,
В себя глубоко погружен,
Осенен и все-таки вешен,
И все-таки праздничен он.

Но, увы, не для нас. Мудрости подчас не хватает, «голубой тиши» зимнего леса.

У Игоря Киселева тишина не только беззвучие, молчание:

К березкам, к чуткой коже их притронусь –
Они замрут, молчание храня.
Их беззащитность и неизреченность,
Как давний долг мой, мучают меня.

Но и дар:

А еще подарили
Тишину и печаль...

И свет:

...дни осветились медленно и долго,
Как в озере притихшая вода...

И музыка:

Серебряно дрогнули травы,
И замер, заслушавшись, лес...

Ее видят, слышат, принимают.

Он художник!

Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

«Лес» Игоря Киселева не отпускает меня и своей живописностью. Он художник! Его кисть - перо, краски - слова, холст - листок бумаги. А какие прекрасные полотна созданы этим поэтом-пейзажистом, в палитре которого преобладают два цвета: голубой (синий) и золотой (бронзовый, багровый, охра, желтый), как на иконе, где излюбленными красками иконописцев были охра, багор, золото, киноварь, символизирующие Божественный свет, - и голубой - цвет Неба и чистоты.

В сборнике «Под солнцем и ненастьем» золото рассиявшегося солнца буквально хлынуло в лес («золотая пчела», «молний желтые штыки», «золотой костер мгновенья», «багровая туча», «эта осень внахлест охрой кроет березы»...), а небо растворилось в «ночи за окном», мгле, в «речки... хрустале», росе, погоде, «плене пруда»... В некоторых же строфах стихов Игорь Киселев соединил оба цвета - Солнца и Неба - в единый пленительный образ осени:

Тогда была такая осень –
Вся золотая иссиня...

Иоганн Вольфганг Гете когда-то сказал, что «цвета действуют на душу: они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли, которые нас успокаивают, печалят или радуют». Палитра Игоря Киселева помогает мне выстроить мостик между земным и небесным, прикоснуться к Вечности, воспринимать Природу как храм. Лишь однажды Поэт окрасил лес холодным - лиловым цветом, когда по нему шли охотники, шли убивать:

А утром снова, снова,

Когда во тьме ни зги,
Колеблют лес лиловый
Железные шаги.

Отношение к конкретному событию через цвет просматривается в поэзии Игоря Киселева. Так, «серые листья» одевают «деревья в больничном саду» рядом с «серыми домами корпуса». Здесь же возникает впервые в сборнике образ зеленого леса - символа надежды, символа жизни.

«Зов таинственный и властный...»

И я устал ходить по кругу
В холодной сырости ночной,
К большому дереву, как к другу,
Прижался мокрою спиной.

Оно со мной шепталось сонным
И не давало мне упасть,
Своим спокойствием зеленым
Со мной доверчиво делюсь.

«Зеленое спокойствие» - это то, что обретал Поэт, уходя из города («от круговерти бешеной») в «плен клейких листьев», в лес, «зеленое сиянье» которого дарило ему вдохновение. Лес лечил, жалел, возвращал любовь, дарил рифмы:

Они [леса] зовут нас ветками, цветами,
Невнятными ночными голосами,
И в этом всем нуждаемся мы сами,
Но понимаем это не всегда...

А надо чаще уходить в леса...

Лирический герой Игоря Киселева - человек, ощущающий себя «частью деревьев и звезд, и воды», «и леса, и птиц, и травы», не устающий удивляться всему, из чего соткан многообразный мир, гремящий «за четырьмя стенами»: «каплям редких звезд», «листьям-ладоням, полным росы», «непрошеной гостье» пчеле, идущим по траве деревьям, ветру «без царя в голове», гусям, плещущим крыльями в родниковой воде... Сочувствие, сострадание, сопереживание - нравственные истоки его поступков. Он готов утешить плачущую природу сам, может тихо попросить об этом нас:

Пойди, утешь их [леса]...

Ты ведь сам из травы, из леса...

Он способен перевоплощаться в «ветку клена», «птицу, летящую к реке», в «тысячу хрупких травинок», задыхающихся без дождя:

И вот, что случилось однажды:
Под солнцем в июльской пыли
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя...

Как гармоничен мир, в котором живет поэт; если кто-то умирает от жажды - должна пролиться дождем гроза, чтоб

Каждый стебель,
Каждый лист
Влагой свежей
Налились.

Лирический герой Игоря Киселева живет, постоянно ощущая «смутную тревогу», что долгими ночами не дает ему уснуть, и он, эту

Тревогу затая,
Боль с выдумкой мешая,
«не знает, где его беда, а где - чужая»... Как часто неудовлетворен собой:

А ночью, словно заверенье,
Что только я всему виной,
Приснилось мне стихотворенье,
Так и не найденное мной...

С горечью Поэт произнесет однажды:

А мне казалось, мне казалось,
Что рядом шепчутся стихи...

Нет, они не «таились», «не шептались», а полнозвучно заявляли о себе чудными образами. Так, облака у него то блистали «могучей снежной вершиной», то плыли «слепые», предвещая беду, то резвились «в синем плену пруда». Поэт окружал себя облаками, как книгами, они его «владенья». И как, вероятно, вкусна вода «из родника, когда в нем тонут облака»! А как завидуешь мальчишкам, ловко прыгающим «босиком по облакам»!

Ни в одном поэтическом сборнике не довелось прочитать столько росистых (или росных?) стихотворений, сколько в небольшой книжке «Под солнцем и ненастьем». Ночь (а именно это временной образ чаще всего возникает в сборнике) - время напряженных раздумий, тревоги, творчества:

... Час одиночества нужен
И травам, и птицам, и мне.

Но наступает утро... Роса («невыносимо синие подвески») является предвестником рассвета:

Как будто это
В ливне света,
С востока бьющего стеной,
В окно тянулась вся планета,
Чтоб поздороваться со мной.

И я уже в росе шагаю,
И помыслы мои чисты...
Прозрачная, чистая вода росы питала поэзию Игоря Киселева.
Росою синею - Россией
Тропа заросшая вела...
Он не уставал бродить по родине, любя ее
...всякую - землю,
По которой ходить довелось,

благословляя сильную доброту и добрую силу, благодаря за жизнь! Он все
шел вперед, потому что постоянно слышал «зов таинственный и властный са-
мой Поэзии», оставляя за собой в стихах «все то, что дышало» в нем:

Как дерево к радуге тянется,
Как радугу клонит к земле.